

Ровное течение моей жизни было потревожено событием, которое произошло во втором мире. Внешнее течение жизни не нарушилось, никто ничего не заметил, но сам я понимал его значение, чувствовал что-то новое в себе.

Событие это — космос. Я вдруг обнаружил, что живу не на земле, в чем был ранее твердо уверен, а в космосе.

«Аэлита» была одной из первых прочитанных мною книг, но космос книжный и реальный никак не связывались у меня. После первого искусственного спутника полетели спутники с собаками Белкой и Стрелкой. Это было страшно интересно, но немного обидно. Я населил Луну и Венеру и Марс разными человечками, они там жили, и вдруг — собаки, дворняжки. Собаки и человечки не совмещались, и я с грустью расстался с мыслью о населенных планетах.

А спутники тогда всех интересовали. «Вечерка» печатала объявления, что такого-то числа, в такое-то время над Москвой будет виден пролетающий спутник. И вот жители нашей квартиры — Ефим Натанович, муж Софьи Александровны, я, дядя Боря с маленьким Юрочкой, который пищал: «Я тоже хочу спутник», — мы выходили на Сретенский бульвар.

Выходили обыкновенно минут за десять до назначенного срока, но на бульваре уже стоял народ, толпившийся вокруг какого-нибудь громко вещав-

шего пенсионера. И, конечно, за две-три минуты до назначенного времени кто-нибудь поднимал панику: «Летит!» Знающие люди авторитетно объясняли, что это летит всего лишь самолет. Но вот наконец все, и знающие люди тоже, поднимали головы, приставляли к глазам бинокли и подзорные трубы (их было две на весь бульвар. Как мне хотелось в них посмотреть!) и замолкали. «Вот он! Летит!» — восклицал кто-нибудь, и поднимался гомон: «Летит! Спутник! Смотри, смотри, вон он!»

В первый раз я не мог поверить, что можно увидеть космический аппарат, просто стоя на Средненском бульваре. Я признавал многие чудеса, но в это поверить никак не мог. И потому, выйдя впервые на бульвар, я пристроился к одному высокому дядечке (наша квартира, увы, была лишена биноклей), у которого на шее висел здоровенный «морской» бинокль. Мальчишек шныряло немало, и я подумал, что, пожалуй, если все они попросят посмотреть в бинокль, то мне времени уже не останется. Не будет же спутник висеть над бульваром полчаса. Я покрутился вокруг облубованного мною дядечки и, решившись, тронул его за брючину: «Дяденька...» «Чего тебе?» «Когда будет спутник, дайте мне, пожалуйста, посмотреть в ваш бинокль». Он щелкнул меня по лбу, что я покорно стерпел, и сказал: «Дам. Тебе первому дам». Но ничего я в этот бинокль не увидел. Что-то туманное и фиолетовое. А когда я отдал бинокль толкающему меня в плечо мальчишке и, надев очки, поднял голову, то увидел далеко вверху быстро летящую яркую звездочку. Это и был спутник.

С того времени, услышав по радио голос Левитана: «Внимание. Внимание. Работают все радиостанции Советского Союза...», — я уже знал, что наши запустили еще один спутник. Я сидел у репродуктора и внимательно слушал до конца сообщение ТАСС. Потом спутники стали привычными, но все ахнули, когда полетел Гагарин. Что творилось на улицах! Музыка, все веселые, радостные, толпы вокруг автомашин, из радиоприемников которых разносятся всем уже известные, но все-таки необыкновенные слова о полете человека в космос. Да, Гагарин — это было посильнее «Аэлиты».

*Я не мог поверить,
что можно увидеть космический аппарат,
просто стоя на Сretenском бульваре.*

